

**Феномен культурной экспансии разночинцев
1860-х годов: литературная ниша
«писатель-народник»**

Т. И. Печерская

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Аннотация. Рассматривается появление в литературе 1860-х гг. писателей-разночинцев «второго призыва» (Н. Успенский, А. Левитов, Ф. Решетников, Н. Помяловский и др.), принесших в литературу «плохое письмо» как «новое слово». Предметом исследования является модель литературного и бытового поведения этого поколения «писателей-народников», ее отличие от модели поведения разночинцев «первого призыва», в основу которой был положен образец «нового человека». В качестве особенностей социокультурного и бытового поведения указываются следующие: 1) несмотря на определенные центры внимания к себе («Современник», «Русское слово»), эти писатели не стали частью журнально-редакционных сообществ и, как правило, не исповедовали общих идей; 2) декларация независимости «подкреплялась» отчуждением от образа жизни, принятого в кругу журнальной разночинской интеллигенции, демонстративной маргинальностью; 3) для новой генерации характерны «богемность», скитальческая жизнь, нищенство, пьянство и другие проявления «асоциальности». Исследование приводит к следующему выводу: литературная репутация носителей нового слова о народе человеком из народа, созданная на на-

Печерская Т. И. Феномен культурной экспансии разночинцев 1860-х годов: литературная ниша «писатель-народник» // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 263–278.

чальном этапе критикой, а затем подкрепленная самописанием, вызвала к литературной жизни феномен «писателя-народника»; литературная ниша была создана искусственно в соответствии с концепцией социального реализма как нового направления в постгоголевский период развития литературы.

Ключевые слова: писатели-разночинцы, литературная ниша, модель социокультурного поведения, «Современник», «Русское слово», Н. Успенский, А. Левитов, Ф. Решетников, Н. Помяловский.

УДК 821.161.1

DOI 10.25205/2307-1737-2020-1-263-278

Контактная информация: Печерская Татьяна Ивановна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (ул. Вилюйская, 28, Новосибирск, 630126, Россия, ptatiana9@gmail.com)

Интенсивность общественной и литературной жизни середины XIX в. такова, что, как ни короток временной отрезок – вторая половина 50-х – 60-е гг., – он вмещает не только формирование и утверждение разночинской формации литераторов, но и смену литературных «поколений» внутри нее. С этой точки зрения – в самом общем виде – можно обозначить расклад следующим образом.

1. Собственно разночинцы «первого призыва», изменившие облик «Современника». Их идеи были трансформированы в жизненные практики молодым поколением, вступившим в открытый конфликт с традиционным обществом, они положили начало формированию контркультуры. Эти жизненные практики были подхвачены молодыми людьми, по происхождению относившимися не к разночинцам, а к дворянскому сословию. Они не только активно вовлекались в этот процесс мировоззренчески, но руководствовались образцами, определявшими образ жизни и быт. Условно назовем это игрой в разночинцев – В. Слепцов со своей коммуной, эмансипированные барышни «из образованных», Д. Писарев¹ и множество других молодых людей.

¹ В случае Писарева мы имеем дело с созданным критиком литературно-публицистическим образом нигилиста. Среда разночинского «полубурсацкого» журнального лагеря «Русского слова», в котором Писарев занял первое место и идеологом которого стал, вовсе не была ему своей. По рождению, воспитанию, образу жизни в детстве и ранней юности, образованию (в том числе домашнему) Писарев был дворянином. По сути он не был нигде своим, воспринимался как диковинка и среди разночинской братии, которую избрал идеологически в качестве «среды обитания», и в соприродной ему дворянской среде – всегда возникал «ког-

2. «Второй призыв» составили разночинцы все из того же слоя бывших семинаристов и мелких служащих, позже приехавшие в Петербург из провинции². Они были выведены на авансцену литературной жизни «Современником» в пору уже утвердившейся демократической идеологии, далее «Русским словом». В определенном смысле новая генерация была прямым следствием первой, сформировавшей вкусы и запросы читателя.

В статье речь пойдет именно о «втором призыве» разночинцев-литераторов – Н. Успенском, А. Левитове, Ф. Решетникове, Н. Помяловском и др. В начале уже следующего века Н. К. Михайловский писал: «Явились они как-то вдруг, целым гнездом³, и сначала нелегко было строго определить индивидуальные особенности каждого из них. Их до известной степени объединяли и содержание их писаний и манера изложения» [1989, с. 289]. Многие попадали в литературу случайно, начинали заниматься писательством просто потому, что это был самый легкий и доступный вид заработка, хотя и небольшого. Б. М. Эйхенбаум отмечает парадоксальность литературной ситуации середины века: «...профессионализация литературы происходила за счет дилетантов» [2001, с. 73] и выражалась в существенном понижении уровня литературы. Эта оценка совпала в целом с оценкой многих современников⁴. Чернышевский, позже – Писарев прочили Н. Успенскому, Помяловскому⁵ место во главе нового, постгоголевского, направления литературы. Пророчества не сбылись, и хотя слава большей части писателей-разночинцев продержалась чуть больше десятилетия, они, бесспорно, внесли яркую краску в палитру литературной жизни 1860-х гг.

Проследим, как формировалась литературная репутация этой генерации писателей-разночинцев. Нельзя не видеть, что она выдвинула новую модель литературного и бытового поведения, существенно отличающуюся

нитивный диссонанс», а сопутствующий ему образ нигилиста неизбежно создавал зону отчуждения.

² Исключение составляет Н. Г. Помяловский, сын дьякона Мало-Охтенской кладбищенской церкви Санкт-Петербурга.

³ А. И. Левитов начал печататься в 1861 г., Н. Г. Помяловский опубликовал в том же году повести «Мещанское счастье» и «Молотов», Ф. М. Решетников – повесть «Подлиповцы», у В. А. Слепцова вышел первый цикл очерков, у Н. В. Успенского – первый сборник рассказов.

⁴ А. М. Скабичевский, теперь уже в «Истории новейшей русской литературы», выражал то, что писали сочувствующие критики и он сам в пору своей журналистской деятельности 1860–1870-х гг.: «Этот регресс в техническом отношении обусловливался многими причинами. Более всего действовало то обстоятельство, что в большинстве разночинцы учились на медные деньги и явились на литературное поприще самоучками, не получившими правильного и систематического литературного образования и едва грамотными» [1909, с. 231].

⁵ Показательны статьи Н. Г. Чернышевского «Не начало ли перемены?» (1861), Д. Писарева «Роман кисейной барышни» (1865).

от той, что в целом закрепились за разночинцами шестидесятых годов и многократно описана в семиотическом и культурно-историческом ракурсах ⁶.

Характерно, что литературная репутация, закрепившаяся за новоприбывшим разночинским поколением, касалась всего «гнезда», хотя личная литературная репутация каждого, как и биография, безусловно, имела индивидуальные черты. Вполне объяснимо, что в восприятии современников между *литературной личностью* и *биографической* разницы практически не существовало. В биографическом смысле объединяющим было попадание в литературу из самых низов; отсутствие образования (в лучшем случае неоконченная духовная семинария, первый курс университета с последующим отчислением); маргинальное существование (скитание по углам, бродяжничество, нищета, повальное пьянство, отсутствие определенных занятий). В литературном смысле объединяющими качествами были новизна языка и выбор предмета изображения. Называя стиль «народным реализмом», Н. В. Шелгунов так писал о произведениях Ф. М. Решетникова: «В Решетникове нет ничего, что напоминало бы русскую литературу предшествующего периода. В сочинениях Решетникова все иное, все не так: не тот мир, не те люди, не тот язык, не та жизнь, не те радости. Даже не то горе и не те интересы. Точно путешествуешь в новой, незнакомой части света, в какой-нибудь Океании. Даже Петербург перестает быть Северной Пальмирой и становится неизвестным, вновь открытым городом» [Шелгунов, 1871, с. 2] ⁷. Нелитературность слова как качество стиля, новая, постгоголевская ступень развития реализма, по мнению одних, и следствие банального неумения писать, по мнению других. Так, например, Тургенев, с одной стороны, не может признать художественности за произведениями «новой школы», с другой – не может не видеть какого-то качественного сдвига литературы, произведенного «всеми этими Слепцовыми, Решетниковыми и т. д.». «Правда дальше идти не может. Черт знает, что такое!» – пишет он Фету с оттенком восхищения (А. А. Фету 13 (25) января 1869 г.) [Тургенев, 1964, с. 46]. «Самородки» – на одном полюсе, «плебейское течение» – на другом. И, конечно, всеми признавалась оригинальность в повороте темы народа, едва ли не доминирующей в общественном сознании середины века, – без видимого сочувствия, идеализации, без экзистенциальной подоплеки в изображении. Сравнивая «Записки

⁶ Привожу некоторые из наиболее репрезентативных работ отечественных и зарубежных исследователей: [Паперно, 1996; Смирнов, 1994; Печерская, 1999; Живов, 2002; Виртшафтер, 2002, с. 140–169; Дячук, 2010; Гончарова, 2011; Манчестер, 2015, с. 254–298].

⁷ См. исследование Е. К. Созиной о «плохописи» в литературе, в котором на материале творчества Ф. Решетникова рассматривается «плохое письмо» как эстетический и семантический показатель новой формации в литературе: [Созина, 2011].

охотника» Тургенева и сборник рассказов Н. Успенского (1861), П. В. Анненков пишет о наглядном различии двух литературных эпох: если в эпоху сороковых годов автор подчинялся «каким-то тайным законам приличия, возникшим безгласно, но всеми признанным», своего рода «этикету» и «кодексу вежливости», то «через десяток лет с небольшим нам понадобилась уже *голая правда* насчет простого человека – ни более, ни менее <...> По выходе книжки “Рассказы” г. Успенский был объявлен представителем новой литературной эпохи, лучше понимающей условия народного существования и вернее, независимее собирающей передавать его черты и подробности» (курсив наш. – *Т. П.*) [Анненков, 1863, с. 3].

Стиль и манера письма, если воспользоваться выражением Ю. Н. Тынянова, приводили читателя «к *лицу* автора» (курсив Тынянова. – *Т. П.*)⁸. Временная дистанция – об этом мы можем судить по мемуарам, написанным в 1880–1890 гг., начале века – позволила, как это часто бывает, составить общий портрет этого поколения уже с большой долей мифологизации. В частности, окончательно закрепилось именование «писатели-народники», но не в смысле народнической идеологии и движения 1870-х гг., а в смысле «писатели из народа, пишущие о народе».

Показательно, что Н. К. Михайловский, например, предлагает именно с этих писателей вести отсчет писательства как профессии. Рассуждает он в той же логике, что и сами писатели-народники, другими словами, он по сути оформляет писательские декларации: «...те блестящие беллетристы, за немногими исключениями, вовсе не были литературными тружениками, работниками в настоящем смысле слова. <...> Тогда мог серьезно приниматься к сведению и, вероятно, к исполнению фантастический по нынешнему времени совет Гоголя переписывать “сочинение” семь-восемь раз с значительными промежутками. Литературная профессия, строго говоря, почти не существовала: занимавшиеся литературой “господа”, за некоторыми исключениями, имели достаточно досуга, чтобы, набросав свое произведение, поехать по Европе, послушать лекции в германских университетах, искупаться в волнах Гвадалквивира, а потом, с новым запасом сил и обновленными горизонтами, вернуться к произведению для окончательной его отделки или предварительной переделки. Литература как профессия, со всеми розами и шипами профессии, явилась позже, когда всколыхнувшаяся после Крымской войны Россия выдвинула из себя новые, уже чисто литературные силы» [Михайловский, 1989, с. 290].

Надо сказать, что интерпретация собственной жизни и писательства как особо важного для общества дела, демонстративное отстраивание своего образа жизни от образа жизни литераторов, казалось бы, близкого разночинского круга были свойственны и самим писателям-разночинцам «второго призыва». Интенсивное самописание началось сразу после того,

⁸ К понятию «литературная личность»: [Тынянов, 1977, с. 268].

как они осознали большую востребованность и известность, неожиданно попали в самый центр журнального и читательского внимания, но еще больше проявилось стремление к оформлению особого облика истинно народного писателя, когда стало понятно, что они уходят из центра общего внимания.

Одной из ярких особенностей новоприбывших писателей-разночинцев было то, что, несмотря на определенные журнальные центры внимания к ним («Современник», «Русское слово»), они не стали частью журнально-редакционных сообществ, не были к ним так или иначе «прикреплены», а если прибывались, то эпизодически, к тому же вовсе не исповедовали их идей⁹, что само по себе было редкостью во времена, когда каждый журнал образовывал определенную партию и формировал вокруг себя единомышленников – писателей и читателей. Именно на этих прилегающих территориях и разворачивалась междоусобная борьба журналов.

Даже в «Современнике», уже избавившемся от «старых друзей» Некрасова, «писательская братия» разночинцев не чувствовала себя своей. Притом что многие пользовались материальной поддержкой, покровительством, литературно-критическим сопровождением, не только публично заявлялась абсолютная автономность и независимость существования, но декларировалась некоторая идейная подоплека несовместимости – редакторы журналов и журнальная корпорация в целом наживаются на «народных» писателях, являются эксплуататорами, нагревающими руки на их труде. Более других пострадал Некрасов, чья репутация эксплуататора, нечистого на руку (если не считать М. А. Антоновича и Ю. Г. Жуковского с их «разоблачениями» после того, как они не были приглашены в новую редакцию «Отечественных записок»), во многом была сформирована следующим поколением. Так, Н. Успенский пишет о постоянной озлобленности А. И. Левитова «на весь мир, особенно на издателей и редакторов, которых называл эксплуататорами <...> имя его пользовалось такой громкой известностью, что каждый новый издатель журнала считал долгом пригласить автора “Степных очерков” к себе в сотрудники; в свою очередь, Левитов считал необходимым “заполучить аванс”, – как он выражался, – с нового эксплуататора... – Да с ними иначе и нельзя, – пояснял Александр

⁹ С. А. Венгеров писал о Левитове: «Человеком определенных взглядов Левитов не был; усиленные попытки некоторых критиков сделать из него печальника народного горя весьма мало соответствуют содержанию его произведений. Уже одно то, что значительнейшая часть их посвящена ворами, проституткам, сводням, целовальникам и тому подобному люду совершенно исключает возможность превратить Левитова в писателя тенденциозно-демократического направления. Нельзя также причислять его к писателям, идеализирующим народ. В огромном большинстве случаев левитовский “народ” наводит ужас своим глубоким нравственным падением и никакими симпатиями не возбуждает» (см.: Венгеров С. А. Русский биографический словарь. URL: <http://rulex.ru/01030215.htm>).

Иваныч, – они строят себе дома, ездят в каретах, а наш брат ходит чуть не на голенищах... Вон Некрасов купил себе огромное имение и соорудил винокурный завод, это поэт-то, оплакивающий меньших братьев!.. А сколько он выигрывает в карты в Английском клубе!..» [Успенский, 1889, с. 87]. Однако тут дело не только и не столько в дворянских замашках Некрасова, о которых не раз позже писали бывшие сотрудники разночинцы. Речь шла о репутации журнального меркантильного мира как такового. Ту же репутацию в их глазах имел и Б. П. Благодетель, редактор «Русского слова», разночинец из бывших семинаристов, получивший в подарок от литературного мецената А. Г. Кушелева-Безбородко целый журнал, которому было придано радикально-демократическое направление. Б. П. Козьмин еще в 1920-х гг. писал об обстоятельствах его жизни, которые потом предпочитали не воспроизводить в работах о Благодетеле – «друге Писарева»: приобрел «два дома, имение, роскошный выезд», квартиру обставил красным деревом, хрусталь и бронзу выписывал из-за границы, завел «негра в качестве лакея» [Козьмин, 1922, с. 228]¹⁰.

Прозвание «богема» младшее поколение разночинцев получило исключительно благодаря образу жизни. Датский литературный критик Г. Брандес, приезжавший в Петербург читать лекции, с интересом знакомился с сотрудниками и авторами демократических изданий и был очень впечатлен образом жизни этого слоя петербургских литераторов: «Круг <...> сотрудников в основном состоял из гениальных, творческих “цыган”»; все они в России бедны, голодны и в долгах <...> следует сказать, что всех этих журналистов, молодых и не очень, объединяет склонность к спиритному, ненадежность в денежных вопросах, отсутствие основательного образования и постоянное уныние. Некоторые из них совершенно разрушены бездомной жизнью <...> Ясно, что эти писатели знают лишь малую часть общества и имеют очень узкое и своеобразное мировоззрение. И так как они незнакомы с высшим обществом, держась от него на расстоянии, то они там неизвестны» [2002, с. 115]. Г. Брандес, для которого Россия была экзотической страной, использует прямое значение слова «богема» – цыгане, имевшее во Франции перенос на творческую интеллигенцию. Это слово, означившее целое понятие, уже вошло в употребление в шестидесятые годы, оно понравилось и прижилось, поскольку оформляло выделенность из прочих литераторов, поднимало над рутинной жизни, подчеркивало вольность и независимость. В воспоминаниях П. Д. Боборыкин использует это слово в кавычках, как слово из чужой речи: «Из Москвы пришел к нам и Левитов, тогдашний соратник Слепцова и Николая Успенского в реалистическом изображении всякой “меньшей братии”. Это был типичный “богема” 60-х годов, родом семинарист, тоном и всем своим

¹⁰ О формировании репутации Б. П. Благодетель см.: [Воробьева, 2019, с. 169–192].

побытом московский неудачник, с неотделанным талантом...» [Боборыкин, 1965, с. 369]¹¹. Он же отмечает, что «тип перебивающегося с “хлеба на квас” писателя и сложился в 60-х годах. Прежде редкий писатель – даже и с крупным дарованием – жил только на гонорар. Такие таланты, как Гончаров, Салтыков, были десятки лет чиновниками. А тут народилась “богема”...» [Там же, с. 89].

Пьянство как один из признаков богемы стало интерпретироваться с идейной подоплекой, приравниваться, как это называет Т. В. Дячук, к культурно-значимому поступку [2010, с. 23]. Исследователь пишет о своего рода топографической карте «хмельного» литературного Петербурга. Основные локусы здесь – портерные, кабаки, больницы и кладбище. Смерть от пьянства стала интерпретироваться в своей среде в качестве героического поступка – писатель, страдающий за народ, не может не пить. Не без учета расхожей репутации писателя как идейного пьяницы Ю. И. Айхенвальд в книге «Силуэты русских писателей» пишет о Левитове: «И все ниже и ниже опускает Левитов голову и погрязает в омуте принципиально пьяных людей» [Айхенвальд, 1908, с. 112].

Быстраивание социального и бытового поведения отличалось двойственностью. Самоидентификация часто происходила не по линии теперешнего статуса – литератор, но реверсивно отсылала в исходное прошлое. Характерно, скажем, поведение Помяловского. Литературная слава пришла к нему после дилогии «Мещанское счастье» и «Молотов» (1861). Его стали часто приглашать и в редакции журналов, и в светские гостиные, он полноправно вошел в круг литераторов. Н. А. Благовещенский отмечает в биографическом очерке, что новый образ жизни чрезвычайно тяготил Помяловского, поэтому он часто эпатировал «сытую» публику, вымещая таким образом раздражение: «Всякое стеснение привычек и необходимость держать себя чинно <...> томили его <...> Он снова тотчас превратился в бурсака, среди знакомых только и толковал о разных приятностях бурсачества, в светских обществах с каким-то болезненным наслаждением рассказывал сцены одна другой циничнее и отвратительнее <...> Помяловский <...> готов был на всякий скандал, чтобы только досадить ненавистному для него барству» [Благовещенский, 1864, с. 139]. Такова интерпретация Н. А. Благовещенского. Однако в этом поведении нельзя не

¹¹ Боборыкин с некоторой обидой и недоумением пишет о нарастающем интересе публики к изображению люмпенов: «Бродяги были и тогда, только мы их не видали. Босяков, в теперешнем смысле, кругом не было, да и не могло скопиться в таком количестве, как теперь <...> Пили и даже сивались, но ни класса, ни даже групп такого сорта положительно не водилось <...> Было, конечно, профессиональное нищенство, но “босяка” не было в нынешнем смысле, и диким представилось бы нам, искавшим также идеалов, возводить алкоголиков, контрабандистов, простых воришек или бездомных бродяг в особый класс носителей социальной правды!» [1965, с. 87].

увидеть и вполне сознательный выбор литературного поведения. Помяловский первым, раньше Тургенева, ввел в литературу героя-разночинца, который станет на какое-то время своего рода героем времени. Но эта слава после разночинцев Тургенева и Чернышевского ему не досталась. А вот «Очерки бурсы» действительно произвели огромное впечатление на публику. Помяловскому удалось написать, что называется, прецедентный текст: вслед за «Очерками бурсы» появилось множество произведений о бурсаках, семинаристах¹². Демонстрация именно этой роли, как кажется, была не спонтанной, а вполне осмысленно выбранной для эпатажа. Это роль героя своего произведения.

Однако самым устойчивым образом литератора, впоследствии окончательно оформившимся в мемуарах и вошедшим уже в «Историю новейшей литературы» различных авторов в конце XIX – начале XX в.¹³, был образ писателя – выходца из народа. В сущности это был главный козырь и по отношению к «барствующим» писателям, и по отношению к писателям-разночинцам, сколь ни демократична была их идеология, но которые только наблюдали за народной жизнью со стороны. Однако если минусовать идеологию, то новая плеяда писателей-разночинцев ничем не отличалась ни по происхождению, ни по способу изучать народную жизнь. Показательна попытка Помяловского реанимировать идею 1840-х гг. – «идею общинного литературного труда» для изучения «разных сторон общественного быта»: «Я, – говорил он, – например, возьму на свою долю всех петербургских нищих, буду изучать их быт, привычки, язык, побуждения к ремеслу и все это описывать в точных картинах; другой возьмет мелкие лавочки для таких же изучений, третий – пожарную команду и т. д. Все добытые сведения будем помещать в особом, реальном журнале, устроенном на общих началах, и из этих сведений, взятых целиком из жизни, впоследствии явится довольно полная картина нашего петербургского быта» (цит. по: [Скабичевский, 1909, с. 304]). Изучение народных типов в кабаках считалось даже своего рода профессиональной задачей. Е. Н. Эдельсон, назвавший свою статью о беллетристах-шестидесятниках «Современная натуральная школа» [1864], был не так уж неправ, но тут усматривался намек на вторичность, а этого допустить было нельзя в контексте провозглашения нового слова в литературе, тут и «обыкновенный талант» в понимании Белинского не подходил, слишком сильно было желание «начала перемен», а не реверсивного движения.

По сути «народом» в традиционном смысле писатели-разночинцы не были. Манера выдавать себя за народ проявлялась больше в самоназвании,

¹² С. И. Сычугов, И. А. Скроботов, поэт Л. Н. Трефолов, Ф. М. Решетников («Ставленник»), Н. В. Успенский («Декалов»), А. И. Левитов («Петербургский случай») и др.

¹³ См., например: [Скабичевский, 1909; Замотин, 1915; Котляревский, 1916].

«номинация» *народник* тиражировалась критикой и в конечном счете закрепились в общественном мнении.

Показателен случай, произошедший с Решетниковым: он назвал себя мастеровым, когда городской не пускал его в Дворянское собрание (как выясняется, он перепутал число и пришел на концерт в тот день, когда в дворянском собрании происходило уже что-то другое). В результате затеянного скандала («Народ не пускают!») «ночевал в части, откуда вышел весь избитый, без денег и кольца» [Скабичевский, 1909, с. 239]. «От имени народа», «за народ» – именно на таком основании строится риторическая конструкция его прошения обер-полицмейстеру (просьба о том, чтобы «народ не обижали»).

Характеристика, данная Левитову П. Засодимским, показывает, что «переквалификация» была успешной: «Он (Левитов. – Т. П.) вышел из деревни, можно сказать, из народа, и всю жизнь, до гробовой доски, он любил этот народ всем сердцем, всей душой <...> Иной раз слушаешь его, и кажется тебе, что перед тобой не литератор, но переодетый мужик» [Засодимский, 1908, с. 267]. Заметим, что выражение «вышел из деревни» в данном случае на деле могло обозначать только то обстоятельство, что отец Левитова был дьяконом в селе Добром, Лебедянского уезда. Как отмечает биограф писателя, отец содержал постоялый двор, открыл у себя школу, поощрял чтение литературы, словом, «небольшая семья много трудилась, жила безбедно и дружно, и, в общем, детские годы Левитова прошли привольно» до поступления в духовную семинарию¹⁴.

В этом контексте небезынтересны скандальные и совершенно завиральные мемуары Н. Успенского. В данном случае важно не то, что он сочиняет, а то, как он это делает. В частности, интересны хвастливые рассуждения на тему обучения Толстого народному языку, его рассказы о народной жизни писателю-барину: «...граф, обыкновенно, обращался ко мне с просьбой рассказать ему что-нибудь “о мужиках”. Вы чрезвычайно мастерски владеете народным языком <...> Экая прелесть, экая прелесть! Сжимая руками свою голову и в ажитации расхаживая по комнате, восклицал граф...» [Успенский, 1889, с. 37, 42]. Правда здесь в том, что писателям-народникам было у кого оспаривать единоличное право изображать народ. Дело даже не в Толстом, а в общем градусе конкуренции, своего рода общественной литературной ажитации вокруг темы народа. Толстой занимал на этом конкурентном поле особо значимое положение. Б. Эйхенбаум писал: «Перехватив у народников материал и сделав мужика героем своих новых вещей, он пересилил противников – не только в переносном, но даже и в прямом смысле, физически. Тут история помогла Толстому. Все поколение беллетристов-народников погибло в борьбе с нищетой и болезнями: спивались, сходили с ума, кончали самоубийством.

¹⁴ См.: Венгеров С. А. Русский биографический словарь.

Прошло несколько лет – и самым влиятельным “народным” писателем оказался тот же Толстой» [Эйхенбаум, 2001, с. 112].

В меньшей степени, но та же конкуренция ощущалась и в связи с модной «трущобной» темой, «трущобчиной», как это называли критики, когда речь шла, например, об авантюрном романе Вс. Крестовского «Петербургские трущобы», хотя, судя по воспоминаниям, автором идеи выступил Помяловский, мысливший этот сюжет в духе «Парижских тайн» Э. Сю.

Попробуем подытожить и резюмировать специфику названной плеяды писателей-разночинцев, выделив ее из литературных разночинцев 1860-х гг. демократической направленности.

Репутация носителей нового слова о народе, созданная на начальном этапе критикой, вызвала к литературной жизни феномен писателя из народа. Новизна всецело определялась тем, что эта ниша до той поры не была никем занята. Она не столько возникла, сколько была именно создана и требовала обустройства и оформления. Основной вектор усилий, определявший новизну происходящего, был направлен на создание самого облика писателя как человека из народа, соответственно в связи с этим разночинское происхождение новых писателей по умолчанию опускалось. К тому же расширялось и понимание народа, теперь включавшего люмпенов. В этом случае писатель-разночинец переставал соотноситься с сословием, в реальности по образу жизни был люмпеном. Сочинялся и жизненный сюжет, активно поддержанный самими писателями и окончательно оформившийся в 1870–1880-е гг. Лучше всего этот сюжет обозначил Н. Успенский: святое дело – служение – подвиг – жертва. По воспоминаниям А. И. Яцимирского, он любил повторять: «Прошло время, когда русские литераторы ходили при чинах и при дворе бывали. Теперь другие времена настали. Писательское дело – дело святое, это служение... Подвиг. А подвиг требует жертвы. Вот Решетников, Левитов, Помяловский. Все они жили так же, как и я живу. Кончили они плохо – и я кончу не лучше их» [Яцимирский, 1902, с. 107]. Жертвоприношение в данном случае выражалось в безвременной и трагичной смерти от пьянства, нищеты и болезней.

Однако героический модус в том виде, в котором он был задан жизнеописанию лидеров предшествующего поколения – Добролюбову, позже Чернышевскому, не мог быть оформлен и воплощен в полной мере. Не хватало миссии общественного служения, идеи, последователей-учеников. В то же время маргинальное существование «работало» на другой, не менее важный писательский статус. Репутация человека из народа, писателя-самородка в глазах читателя повышала его вес не только как независимого литератора, но и как носителя принципиально нового слова, которое не могло родиться ни в обветшавшем мире литературной «барственности» и буржуазной коммерциализации, ни в аморфной интеллигентской среде, пусть и идейной. По совокупности всех этих обстоятельств писатели-на-

родники шестидесятых годов, несмотря на свой короткий литературный век, могут быть рассмотрены и оценены как яркое самобытное литературное явление на общем фоне литературных разночинцев, осуществивших попытку перенаправить не только литературу, но и общество.

Список литературы

- Айхенвальд Ю. И.* Силуэты русских писателей: В 3 вып. М.: Науч. слово, 1906–1910. Вып. 2. 182 с.
- <*П. В. Анненков*> Г-н Успенский // Санкт-Петербургские ведомости. 1863. № 11. 13 янв.
- Благовещенский Н. А.* Н. Г. Помяловский. Биографический очерк // Современник. 1864. № 3.
- Боборыкин П. Д.* Воспоминания: В 2 т. М.: Худож. лит., 1965. Т. 1. 267 с. (Серия литературных мемуаров)
- Брандес Г.* Русские впечатления / Пер. с дат. Т. Чесноковой; сост. А. Поливанова. М.: ОГИ, 2002. 483 с.
- Венгеров С. А.* Русский биографический словарь. URL: <http://rulex.ru/101030215.htm> (дата обращения 10.06.2019).
- Виртшафтер Элис К.* Социальные структуры: разночинцы в Российской империи / Пер. с англ. Т. П. Вечериной; под ред. А. Б. Каменского. М.: Логос, 2002. 271 с.
- Воробьева О. А.* Журнал «Русское слово»: история формирования круга сотрудников и литературная позиция (1859–1862): Дис. ... канд. филол. наук. М., 2019.
- Гончарова О. М.* «Новые люди» 1860-х: идеи – тексты – социопрактики. Лекции по истории русской культуры. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2011. 139 с.
- Дячук Т. В.* Писатели-разночинцы 1860-х годов: формы литературного творчества и социального поведения: Учеб.-метод. пособие / Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб.: Астерион, 2010. 48 с.
- Живов В. М.* Маргинальная культура в России и рождение интеллигенции // Живов В. М. Разыскания в области истории и предьстории русской культуры. М., 2002. С. 685–704.
- Замотин И. И.* Сороковые и шестидесятые годы. Очерки по истории русской литературы XIX столетия. Пг.; М.: Изд. т-ва М. О. Вольф, 1915. 435 с.
- Засодимский П. Ив.* Левитов. Из воспоминаний. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1908. 450 с.
- Козьмин Б. П.* Благовестов и «Русское слово» // Современник. М., 1922. Кн. 1.

Котляревский Н. А. Канун освобождения. 1855–1861. Из жизни идей и настроений в радикальных кругах того времени. Пг.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1916. 560 с.

Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России / Пер. с англ. А. Ю. Полунова. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 448 с.

Михайловский Н. К. Г. И. Успенский как писатель и человек // Михайловский Н. Литературная критика: Статьи о русской литературе XIX – начала XX века. Л.: Худож. лит., 1989. С. 283–297.

Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский – человек эпохи реализма. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 207 с.

Печерская Т. И. Разночинцы шестидесятых годов XIX века: феномен самосознания в аспекте филологической герменевтики (мемуары, дневники, письма, беллетристика) / Рос. акад. наук. Сиб. отд-ние. Ин-т филологии. Новосибирск, 1999. 299 с.

Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы. 1848–1908 годы. СПб.: Ф. Павленков, 1909. 487 с.

Смирнов И. Психодиахронология: психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М.: Новое литературное обозрение, 1994. 351 с.

Созина Е. К. О «плохописи» в литературе // Феномен творческой неудачи / Под общ. ред. и с предисл. А. В. Подчиненовой, Т. А. Снегиревой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 324–345.

Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т.; Письма: В 13 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. лит. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1964. Т. 7: Письма. 1867–1869. 614 с.

Тынянов Ю. Н. Литературный факт // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 574 с.

Успенский Н. В. Из прошлого. М.: Рус. кн. маг, 1889. 248 с.

Шелгунов Н. Народный реализм в литературе // Дело. 1871. № 5. С. 2.

Эдельсон Е. Н. Современная натуральная школа // Библиотека для чтения. 1864. № 3.

Эйхенбаум Б. М. Мой временник. Маршрут в бессмертие. М.: Аграф, 2001. 385 с.

Яцимирский А. И. Воспоминания писателей-самородков об их старших собратях // Русская мысль. 1902. № 11.

Article metadata

Title: The Phenomenon of Cultural Expansion of Raznochintsy of 1860s: The Literary Niche “Folk-Writers”

Author: T. I. Pecherskaya

Author's e-mail: ptatiana9@gmail.com

Author's affiliation: Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation)

Abstract. The article considers emergence of writers-raznochinty of young generation (N. Uspensky, A. Levitov, F. Reshetnikov, N. Pomyalovsky etc.) in the Russian Literature of the 1860s. These writers brought “the bad writing” as “a new word” in the Russian Literature. The subject of research is model of literary and domestic behavior of this generation of “folk-writers” and its difference from the model of behavior of writers-raznochinty of previous generation based on sample of a “new man”. Features of socio-cultural and domestic behavior are as follows: 1) in spite of certain centers of attention to themselves (“Contemporary”, “Russian word”), these writers have not become part of the journal-editorial communities and, as a rule, did not develop general ideas; 2) the declaration of independence was “supported” by alienation from the way of life adopted in the circle of the magazine raznochinty intelligentsia; their way of life was ostentatiously marginal; 3) the new generation is characterized by “Bohemian”, wandering life, begging, alcohol abuse and other manifestations of “asociality”. In the end we draw a conclusion that the literary reputation of carriers of new word about common people by a man of the common people created at the initial stage by criticism, and then supported by self-description called to literary life the phenomenon of “folk-writer”; the literary niche was created deliberately according to the theory of social realism as a new direction in the post Gogol’s period of literature development.

Key terms: writers-raznochinty, the literary niche, model of socio-cultural behavior, “Contemporary”, “Russian word”, N. Uspensky, A. Levitov, F. Reshetnikov, N. Pomyalovsky.

DOI 10.25205/2307-1737-2020-1-263-278

Reference literature (in transliteration):

Aykhenvald Yu. I. Siluety russkikh pisateley [Silhouettes of Russian Writers]. In 3 vols. Moscow, 1906–1910, vol. 2. (in Russ.)

<P. V. Annenkov> G-n Uspenskiy [Mr. Uspensky]. *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, 1863, no. 11, January 13. (in Russ.)

Blagoveshchenskiy N. A. N. G. Pomyalovskiy. Biograficheskiy ocherk [Pomyalovsky. Biographical essay]. *Sovremennik [Contemporary]*, 1864, no. 3. (in Russ.)

Boborykin P. D. Vospominaniya [Memories]. In 2 vols. Moscow, 1965, vol. 1. (in Russ.)

Brandes G. Russkie vpechatleniya [Russian impressions]. Moscow, 2002. (in Russ.)

Dyachuk T. V. Pisateli-raznochinty 1860-kh godov: Fomy literaturnogo tvorchestva i sotsial'nogo povedeniya [Writers-raznochinty of the 1860s: Forms of literary creativity and social behavior]. St. Petersburg, 2011. (in Russ.)

Edelson E. N. *Sovremennaya natural'naya shkola* [Modern natural school]. *Biblioteka dlya chteniya* [Library for reading], 1864, no. 3. (in Russ.)

Eykhenbaum B. M. *Moy vremennik. Marshrut v bessmertie* [My annals. Destination to immortality]. Moscow, 2001. (in Russ.)

Goncharova O. M. *Novye lyudi 1860-kh: idei – teksty – sotsiopraktiki. Lektsii po istorii russkoy kul'tury* [The new people of the 1860s: ideas – texts – sociopractics. Lectures on the history of Russian culture]. St. Petersburg, 2011. (in Russ.)

Kotlyarevskiy N. A. *Kanun osvobozhdeniya. 1855–1861. Iz zhizni idey i nastroyeniy v radikal'nykh krugakh togo vremeni* [The eve of the liberation. 1855–1861. From the life of ideas and sentiments in radical circles of the time]. Petrograd, 1916. (in Russ.)

Kozmin B. P. *Blagosvetlov i “Russkoe slovo”* [Blagosvetlov and “Russian word”]. *Sovremennik* [Contemporary], 1922, pt. 1. (in Russ.)

Manchester L. *Popovichi v miru: dukhovenstvo, intelligentsiya i stanovlenie sovremennogo samosoznaniya v Rossii* [Holy fathers, secular sons. Clergy, intelligentsia, and the modern self in revolutionary Russia]. Moscow, 2015, 448 p. (in Russ.)

Mikhaylovskiy N. K. G. I. *Uspenskiy kak pisatel' i chelovek* [G. I. Uspensky as a writer and a person]. In: *Mikhaylovskiy N. Literaturnaya kritika: Stat'i o russkoy literature XIX – nachala XX veka* [Literary criticism: Articles about Russian Literature of the XIX – early XX century]. Leningrad, 1989, p. 283–297. (in Russ.)

Paperno I. *Semiotika povedeniya: Nikolay Chernyshevskiy – chelovek epokhi realizma* [Semiotics of behavior: Nikolai Chernyshevsky is a man of the period of realism]. Moscow, 1996. (in Russ.)

Pecherskaya T. I. *Raznochintsy shestidesyatykh godov XIX veka: fenomen samosoznaniya v aspekte filologicheskoy germeneytiki: (Memuary, dnevniki, pis'ma, belletristika)* [Raznochintsy sixties of the 19th century: the phenomenon of self-consciousness in the aspect of philological hermeneutics: (Memoirs, diaries, letters, fiction)]. Novosibirsk, 1999. (in Russ.)

Shelgunov N. *Narodnyy realizm v literature* [Popular realism in literature]. *Delo* [Deed], 1871, no. 5, p. 2. (in Russ.)

Skabichevskiy A. M. *Istoriya noveyshey russkoy literatury. 1848–1908 gody* [History of modern Russian Literature. 1848–1908 years]. St. Petersburg, 1909. (in Russ.)

Smirnov I. *Psikhodiakhronologika: Psikhohistoriya russkoy literatury ot romantizma do nashikh dney* [Psychohistory of Russian Literature from romanticism to the present day]. Moscow, 1994. (in Russ.)

Sozina E. K. *O “plokhopisi” v literature* [About “bad writing” in literature]. In: *Fenomen tvorcheskoy neudachi* [The phenomenon of creative failure]. Ekaterinburg, 2011, p. 324–345. (in Russ.)

Turgenev I. S. [Complete works: in 30 vols.; letters: in 13 vols.]. Moscow; Leningrad, 1964, vol. 7: Letters. 1867–1869. 614 p. (in Russ.)

Tynyanov Yu. N. Literaturnyy fakt [Literary fact]. In: Tynyanov Yu. N. Poetika. Istoriya literatury. Kino [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow, 1977. (in Russ.)

Uspenskiy N. V. Iz proshlogo [From the past]. Moscow, 1889.

Vengerov S. A. Russkiy biograficheskiy slovar' [Russian biographical dictionary]. URL: <http://rulex.ru/01030215.htm/>. (in Russ.) (accessed 10.06.2019).

Vorobieva O. A. Zhurnal "Russkoe slovo": istoriya formirovaniya kruga sotrudnikov i literaturnaya pozitsiya (1859–1862) [Journal "Russian word": The history of the formation of the circle of employees and literary position (1859–1862)]. Cand. of Philol. Diss. Moscow, 2019. (in Russ.)

Wirtschafter Elise K. Sotsial'nye struktury: raznochintsy v Rossiyskoy imperii [Structures of Society]. Moscow, 2002, 271 p. (in Russ.)

Yatsimirskiy A. I. Vospominaniya pisateley-samorodkov ob ikh starshikh sobrat'yakh [Memoirs of writers-nuggets about their older brethren]. *Russkaya mysl'* [Russian thought], 1902, no. 11. (in Russ.)

Zamotin I. I. Sorokovye i shestidesyatye gody. Ocherki po istorii russkoy literatury XIX stoletiya [The fortieth and sixtieth years. Essays on the history of Russian Literature of the 19th century]. Moscow, Petrograd, 1915. (in Russ.)

Zasodimskiy P. Iv. Levitov. Iz vospominaniy [Iv. Levitov. From the memoirs]. Moscow, 1908. (in Russ.)

Zhivov V. M. Marginal'naya kul'tura v Rossii i rozhdenie intelligentsia [Marginal culture in Russia and the birth of intellectuals]. In: Zhivov V. M. Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoy kul'tury [Research in the field of history and prehistory of Russian culture]. Moscow, 2002, p. 685–704. (in Russ.)